

Чуждый огонь. Опасность оскорбления Святого Духа практикой фальшивого поклонения. Джон МакАртур. Одесса: Христианское просвещение, 2018. – 272 с. ISBN 978-5-8404-0275-7. 220.00 грн.*

DOI: 10.29357/2521-179X.2019.22.12

Известный американский пастор и проповедник Джон МакАртур в 2013 г. написал очередную книгу ярко выраженного антипятидесятнического и антихаризматического характера. Труд является логическим продолжением более ранних исследований автора, в частности, работ «Харизматики» (1978 г.) и «Харизматический хаос» (1993 г.). В ответ на издание было написано несколько книг, в частности «Настоящий огонь: ответ на «Чуждый огонь Джона МакАртура» Майкла Брауна, «Святой огонь: сбалансированный библейский взгляд на работу Святого Духа в нашей жизни» Р.Т. Кендалла и «Важный путеводитель по силе Святого Духа: Божьи удивительные дары в действии» Ренди Кларка. В 2018 г. работа «Чуждый огонь» была издана на русском языке с целью предостеречь верующих в Восточной Европе от увлечения пятидесятническо/харизматическими проявлениями в контексте влияния пятидесятничества на значительные сегменты современного христианства.

Не пытаясь комментировать многочисленные эмоциональные высказывания автора, сфокусируемся на отдельных ключевых содержательных составляющих книги. Д. МакАртур бесосновательно смешал «три волны Духа», отождествляя пятидесятников и харизматиков разных направлений как одно движение (17). Известно, что пятидесятничество и харизматизм, несмотря на наличие общих черт, являются разными религиозными направлениями, которые, будучи порождены различными историческими эпохами, унаследовали их основные характеристики и отличаются по многим существенным признакам. Критикуемые МакАртуром крайности в харизматическом движении, начиная от «учения о процветании» и заканчивая «святыми падениями», в большинстве случаев не воспринимаются пятидесятническими деноминациями как нормативные. Автор заострил внимание на крайностях тех ответвлений харизматического движения, которые не являются мейнстримом «движения Духа» в XX в. Фокусирование на отдельных трудах У. Кеньона, К. Хейгана, К. Коупленда или П. Вагнера и попытка выдать их за ключевых пятидесятническо/харизматических идеологов не соответствует действительности. При этом автор упускает целую плеяду влиятельных пятидесятнических богословов, которые способствовали вхождению «крещенных Духом Святым» в круг евангельского общения, предостерегая от опасности превосходства религиозного опыта над библейской истиной и других крайностей. Попытка

* Статья поступила в редакцию 19.03.2019; утверждена в печать 25.03.2019.

МакАртура отождествить все «движение Духа» с популярными телепроповедниками или отдельными представителями «Движения веры» может быть расценена как стремление дискредитировать современное пятидесятническое движение.

Весьма неубедительными выглядят попытки МакАртура представить харизматическое движение как более пневмацентричное нежели христоцентричное (68-73). По мысли автора, Дух Святой «должен перенаправлять наше внимание на Иисуса Христа», а не становиться самоцелью (70). Исследователи пятидесятничества идентифицируют это движение через понятие христоцентричной харизматической духовности, где основной фокус делается на Личности Христа как Спасителя, Того, Кто освящает, Целителя, Крестителя Духом и Грядущего Царя. Несмотря на то, что пятидесятники любят говорить о Духе Святом и освещать Его работу в личной и церковной жизни, центр пятидесятнической теологии сфокусирован на Иисусе Христе. Ни одно вероучение «движения Духа» не возносит пневматологический фактор выше хринологического, при этом апеллируя к проповеди апостолов, в которой не Святой Дух представлен как Спаситель и Господь, но Иисус Христос. Христоцентричность современного «движения Духа» подтверждается пятидесятническим богослужением, где имя Иисуса постоянно вспоминается в хвале, молитвах и проповеди. «Святой Дух» вспоминается заметно реже.

На С. 164 и 220 книги «Чуждый огонь» Д. МакАртур пытается обосновать цессационизм (представление, что дары прекратились с уходом апостолов и написанием Нового Завета), рассматривая чудеса в Евангелиях и Деяниях как описательные, а не предписательные. Важно отметить, что такой ограничительный подход к Писанию уже полвека не является аксиомой евангельского толкования. Здесь МакАртур противоречит сам себе, так как постоянно акцентируя на Библии, создает канон в каноне. Разве не в форме повествований дошла до нас значительная часть ветхозаветного богословия? Христос часто рассказывал истории или притчи чтобы передать учение. Во второй половине XX в. склонность рассматривать повествовательные фрагменты Писания как придаток к дидактической части или попытки читать Луку «глазами Павла» была раскритикована в значительном количестве исследований, в частности, в работе Г. Маршалла «Лука: историк и богослов» (1970 г.). В наше время, в евангельских кругах пользуется широким признанием идея, согласно которой новозаветные повествования создавались с учетом определенных богословских задач и несут свое богословие. Разделение Писания на дидактические и описательные книги вряд ли актуально в начале XXI в., скорее следует фокусироваться на конкретных формах и содержании библейского богословия.

Самоуверенной выглядит попытка Д. МакАртура нанести «смертельный удар по современной харизматической глоссолалии» (166) провозглашая ее «практикой бессмысленной стрекотни» (170), «тарабарщиной» (176) и др. небогословскими выражениями. Соглашаясь с автором, что подход к языкам в раннем пятидесят-

ническом движении трансформировался («от ксенолалии к глоссолалии»), нельзя поддержать МакАртура в использовании однотипных критических материалов, включая «Словарь скептика», и игнорировании академическими богословскими исследованиями.¹ Современная пятидесятническая аргументация основана не на принципе исторического прецедента или понимании того, что на страницах Нового Завета присутствует ярко выраженная и четко сформулированная доктрина о языках как первоначальном свидетельстве, а на пророческой природе дара Пятидесятницы, демонстративном доказательном характере говорения на иных языках и утверждения ап. Павла о том, что личная практика молитвы на языках имеет формирующий и потенциально универсальный характер.² Последний аргумент оспаривается МакАртуром, который усматривает «истинный дар языков как способность от Духа общаться на иностранном языке, ранее неизвестному говорящему» (165). Отрицает автор и «молитву на языках», остро критикуя необходимость и возможность «назидания себя» при этом вчитывая в текст ап. Павла собственное понимание (109).

Категоричным выглядит вывод Д. МакАртура касательно исцеления. Используя персонифицированный подход и критикуя движение исцеления в XX в. как «мошенническое», «фантастическое» и т.п., автор утверждает, что «апостольский дар исцеления прекратился» (197), а в истории христианской Церкви «не засвидетельствовано ни одного такого уникального чуда исцеления» (196). Здесь следовало бы отмежевать взгляды и практику представителей харизматизма О. Робертса и Б. Хинна от значительно более умеренного подхода, доминирующего в среде пятидесятников. Современное пятидесятничество всячески одобряет медицину, отрицает универсальность исцеления, возможность достижения исцеления с помощью «шагов», «принципов» и «формул», а также учитывает реальность земного бытия после грехопадения. При этом, основой пятидесятнического учения об исцелении является холистическая антропология с акцентом на искупительную жертву Христа как источник физического оздоровления. Усматривая конечной миссиональной целью преобразование творения, «движение Духа» провозглашает реальность исцеления как часть вселенского Божьего замысла, который включает и физическую сторону жизни человека. Отрицать реальность исцеления в современности — это ограничивать всемогущее действие Бога. Новый Завет призывает верующих молиться за больных и страждущих (см. Иак. 5:14-15), представляя исцеление как часть миссионерской стратегии Церкви. Дискуссионным выглядит тезис об отсутствии задокументированных случаев исцеления в истории Церкви.

¹ К примеру, *Initial Evidence. Historical and Biblical Perspectives on the Pentecostal Doctrine of Spirit Baptism*. Edited by Gary B. McGee (Wipf and Stock Publishers, 1991).

² Больше в книге Мензис У., Мензис Р. *Дух и сила. Основы пятидесятнического опыта* (М.: МТИ, Н. Новгород: Агапе, 2017), 113-136.

В конце книги Джон МакАртур в открытом обращении к «евангельским континуационистам» и «харизматам-реформатам» пытается смягчить тональность критики, признавая, что их представители «последовательно учили хранить верность авторитету Писания и основам Евангелия» (244.). Однако здесь же, автор обвиняет верующих в универсальность действия харизм в истории в уничтожении чудодейственной природы истинных даров в I в. (249), в «уступках харизматизму на экзегетическом поле» (251), отрицании доктрины «Sola Scriptura» (253-254), «препятствованию освящению и духовному росту» (257). Анализ «обращения» демонстрирует попытку МакАртура с помощью актуализации негативных прецедентов дискредитировать «движение Духа» в глазах представителей евангельского мейнстрима, что влечет напряжение в отношениях и расколы в рядах верующих.

Провозглашение пятидесятническо/харизматического движения «ложной религией, направляемой ложными служителями» и оценка его деятельности как «коктейля морального разложения и доктринального яда» (140) не выглядит мирным жестом, направленным на помощь современному «движению Духа» в предотвращении от ошибок, которые без сомнения присутствуют в его рядах. Глубокое переживание о состоянии Церкви Христовой в начале XXI в. должно выразиться в уважении и гостеприимстве к «иному». Такой подход делает теологические дискуссии намного более конструктивными и взаимосозидательными.

*Михаил Мокиенко
Центр исследования религий,
Национальный педагогический
университет им. М.П. Драгоманова
Киев, Украина
ORCID: 0000-0001-7985-0419*